

ЧЕХОВЪ И КОММИССАРЖЕВСКАЯ.

Въ связи съ исполнившейся наканунѣ годовщиной смерти В. Ф. Коммиссаржевской ея ближайшіе родственники, сестра Надежда Федоровна Снарская (по сценѣ) и зять П. П. Гайдебуровъ, выпустили посвященный памяти покойной артистки сборникъ.

Среди цѣлаго ряда статей, вносящихъ много новаго въ біографію В. Ф., особый интересъ представляетъ ея переписка. Теплымъ дружескимъ чувствомъ дышатъ письма къ ней А. П. Чехова.

„... Вы плывете въ Астрахань, — пишеть онъ ей. — Вы здоровы или, по крайней мѣрѣ, не серьезно хвораете и даже работаете, а я аплодирую вамъ изъ своей трущобы. Я радуюсь, что у васъ благополучно, но не завидую, что вы путешествуете по Волгѣ. На Волгѣ всегда вѣтеръ, пахнетъ нефтью, пейзажи однообразны и публика на пароходахъ скучная — все картузы и дешевыя цѣпочки на жилетахъ, не съ кѣмъ поговорить и не бываетъ интересныхъ встрѣчъ. На морскихъ пароходахъ куда интереснѣе... Доктора запретили работать, — пишеть А. П. о себѣ, — и я теперь изображаю нѣчто, похожее на театральнаго чиновника, ничего ни дѣлаю, никому не нуженъ, но стараюсь сохранить дѣловой видъ...“

„Я огорченъ, Вѣра Федоровна, — читаемъ въ другомъ письмѣ. — Вы задали мнѣ неразрѣшимую задачу. Во-первыхъ, я во всю жизнь мою никогда ни писалъ рецензій, для меня это китайская грамота, во-вторыхъ, я не пишу въ „Новомъ Времени“. Я огорченъ, что не могу исполнить вашего желанія, и боюсь, что не повѣрите, до какой степени я огорченъ. Ваше желаніе для меня свято, и не умѣю исполнить его — это ужъ совсѣмъ конфузь. Кстати сказать, въ „Новомъ Времени“ я не работаю уже давно, съ 1891 года... Вы пишете, что имѣете успѣхъ; мнѣ это извѣстно, я радуюсь и въ то же время мнѣ досадно, — досадно, что не приходится видѣть васъ. Вы превосходная артистка, только жаль, что нѣтъ у васъ подходящаго

entourage'a. нѣтъ театра, нѣтъ товарищей. Вамъ бы хоть въ Москву, въ Малый театръ. Тутъ все-таки больше на искусство похоже и между артистами немало хорошихъ людей! Въ Москвѣ вы имѣли бы громадный успѣхъ, вообразить даже трудно...“

„... Съ какимъ удовольствіемъ я поѣхалъ бы теперь въ цивилизованную страну, въ Петербургъ, напримеръ, чтобы пожить тамъ, потренировать свою особу. Я чувствую, какъ здѣсь я не живу, а засыпаю или все ухожу, ухожу, ухожу куда-то безъ остановки, безповоротно, какъ воздушный шаръ. А пьесу все-таки пишу и кончу ее, вѣроятно, въ сентябрѣ и тогда пришло вамъ.“

Чеховъ постоянно сообщаетъ В. Ф. Коммиссаржевской о своихъ работахъ. „Три сестры“ уже готовы, — пишеть онъ ей, — но будущее ихъ, по крайней мѣрѣ ближайшее, покрыто для меня мракомъ неизвѣстности. Пьеса вышла скучная, тягучая, неудобная; говорю „неудобная“ потому, что въ ней, напримеръ, 4 героини и настроеніе, какъ говорятъ, мрачнѣе мрачнаго.

Вашимъ артистамъ она очень и очень бы не понравилась, если бы я послалъ ее въ Александринскій театръ. Какъ-нибудь, все же я пришло ее вамъ. Прочтите и рѣшайте, стоитъ ли лѣтомъ везти ее на гастроли. Теперь она читается въ Художественномъ театрѣ...“

„... Не написать ли мнѣ для васъ пьесу? — спрашиваетъ Чеховъ. — Не для театра, того или другого, а для васъ. Это было моей давней мечтой. Ну, да какъ Бога дасть. Если бы мнѣ преждее здоровье, то я и разговаривать не сталъ бы, а просто сѣлъ бы писать пьесу теперь же.“

„... Вы пишете... „иду съ той вѣрой, которая, если разобьется, убьетъ во мнѣ...“ и т. д. Совершенно справедливо, вы правы, только ради Создателя не ставьте этого въ зависимость отъ новаго театра. Вы вѣдь артистка, а это то же самое, что хорошей морякъ. На какомъ бы пароходѣ, на казенномъ или частномъ, онъ ни плавалъ, онъ всюду — при всѣхъ обстоятельствахъ остается хорошимъ морякомъ... Желаю вамъ здоровья, силы и успѣховъ, и чтобы хоть одинъ день въ недѣлѣ вы были совершенно счастливы...“

Отрывки изъ писемъ В. Ф. Коммиссаржевской къ разнымъ лицамъ, приводимые въ сборникѣ, освѣщаютъ яркимъ свѣтомъ затаенные уголки ея души.

„Я не скверная, — говоритъ В. Ф. о себѣ въ одномъ письмѣ, — но во мнѣ есть что-то проклятое...“

„Зло громадное, непоправимое — существованіе такихъ людей, какъ я. Это вполне сознательная фраза...“

„... Оставаюсь лицомъ къ лицу съ природой, невольно заглядываешь въ тѣ уголки себя, куда слишкомъ рѣдко заглядываешь, и такая тамъ масса пошлости, земного и грѣшнаго, что не понимаешь, какъ же жить съ этимъ? Какъ изъять это изъ себя?“

„... У меня большая душа, и я жгу жизнь съ двухъ концовъ, чтобы не чувствовать вѣчной боли. Боль эта состоитъ въ томъ, что я твердо до дна души убѣждена въ своемъ безсиліи сдѣлать въ жизни что-нибудь большое, а съ малымъ не хочу, не умѣю примириться изъ-за самолюбія ли, изъ-за тщеславія, — не все ли равно, боль одинакова, и задушить ее не можетъ ни успѣхъ, ни поклоненіе...“

„... Вы думаете, я вѣрю во все это обожаніе, что окружаетъ меня? Все это до поры, до времени, а въ глубинѣ я очень одинока...“

„... Что бы я ни переживала, для меня нѣтъ счастья, потому что разъ моя душа найдетъ удовлетвореніе, — ея уже не будетъ, я буду уже не я...“

„... Если бы сейчасъ явился волшебникъ и спросилъ, что я хочу, я бы сказала — дара слова. Господи, какъ скоро я убѣдила бы людей въ томъ, какъ прекрасна можетъ быть жизнь, если всѣ будутъ стремиться „по настоящему“ къ прекрасному.“